

II. История идей

Владимир Кантор

Русский европеец как задача России

1. Славянофильство и западничество - романтическое восприятие Запада и России

Когда говорят о тенденциях, определявших духовное, политическое и общественное самодвижение русской культуры и даже русской государственности, обычно вспоминают славянофилов и западников. В конечном счете к ним, как правило, редуцируются и все другие движения русской общественной жизни. Обыденное сознание, которое характерно и для большинства исследований, всегда выбирает ту или иную сторону развернувшейся идейной драмы противостояния. Вместе с тем многие русские мыслители видели в позиции этих антагонистов больше сходства, нежели различия. Достаточно вспомнить слова Герцена о славянофильстве и западничестве как двуликом Янусе с единым сердцем. Вообще-то в кризисные исторические минуты многим приходит идея о нахождении синтеза двух течений. Однако и синтез, и единство и без того были. Их нетрудно указать. Как показывает исторический опыт, близость «вестернизаторов» и «самобытников» была более глубинной, чем казалось даже Герцену, и приводила к катастрофическим последствиям, рождая особый тип личности - «личности вопреки», отрицавшей как подзаконные общественные институты, так и самое себя. Так, скажем, в деяниях Ленина можно углядеть одновременно черты крайнего западника (ненависть к православию, к русской обломовщине и т.п.) и крайнего националиста (перенос столицы в Москву, объявление сущностным врагом России буржуазного Запада и т.п.).

В чем же дело? Как это произошло? Каковы метафизические, историософские и культурные предпосылки такого социокультурного оборотничества? И кто противостоял в русской культуре этому парадоксальному единству антагонистов? Очевидно, в самом раскладе общественных сил дореволюционной России стоит сегодня увидеть те образования, тот тип людей, которые смогли уйти от

бесконечных споров и заняться творчеством культуры, реальной практической работой. А также понять предпосылки и причины антиевропейского, приведшего к большевизму, синтеза славянофильства и западничества.

Если кратко определить эти причины, то это не просто любовь к Родине, а уверенность, что Россия полностью противоположна Европе. Вспомним, что и славянофилы, и западники начинали свое вхождение в интеллектуальное пространство с усвоения западноевропейских теорий, более того - с *идеализации Запада*. Классическим образом это ощущение выражено в часто цитируемых словах А.С. Хомякова о «дальнем Западе, стране святых чудес». Все, что создано на Западе, имеет общечеловеческий характер - такова исходная посылка обоих течений. Скажем, Н.М. Карамзин, начинавший как европеист и западник, писавший «Записки русского путешественника» как свидетельство очевидца о сакральном чудо-месте, где цветут «духовность» и «гуманизм» (слово, им введенное в русский язык), усвоивший на Западе идею историзма и применивший ее в создании своего великого труда («История государства Российского»), а затем пришедший в конце жизни к отрицанию петровских реформ и испугу перед катклизмами современной ему Европы (Французская революция), так формулировал ощущение европейски образованного русского перед Западом: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»¹. Здесь очевидна почти слепая вера в Западную Европу. Тем сильнее наступило разочарование. Ужаснувшись бесчеловечностью Французской революции, Карамзин начал искать возможность гуманизма в *просвещенном российском самодержавии*. Почти такая же эволюция у Герцена: потрясенный поражением европейских революций, а затем неидеальностью европейского быта - он увидел основу будущей цивилизации в русском крестьянском быту.

От идеализации Запада славянофилы и многие западники пришли к идеализации России, объясняя ее грядущее величие тем, что Россия исполнит высшие идеи Европы, что не случайно славянский элемент и есть подлинная почва Европы (А.С. Хомяков). Даже *англичан* этот ведущий теоретик славянофильства называл в духе своей фантастической этимологии *угличанами*. Эта идеализация родной страны была результатом выучки славянофилов у западноевропейских романтиков: «По своей природе классическое славянофильство - одно из течений европейского романтизма - порождено страстным порывом «найти себя». Такая постановка вопроса уже подразумевала исходную потерю себя, потерю связи с народом и его глубинной культурой, тем что еще предстоит обрести и положить во главу угла»².

¹ Карамзин Н.М. Соч. В 2-х т. Т. 1. Л., 1984. С. 346.

² Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. №9. С. 160.

И славянофилы, и западники испугались реальных бед и противоречий современного им Запада. Путь Европы показался им сомнительным, проблематичным, не дающим гарантированного вхождения в «царство правды и счастья». От идеализации европейского мира они пришли к идеализации себя *как носителей и, главное, осуществителей высшей идеи*, до которой додумался Запад, - социализма и прочего революционаризма (тут можно назвать и Герцена, и Бакунина, и Огарева).

2. Русский европеизм: от романтизма к реализму

Антитезой этой романтической (славянофильской и западнической) идеализации социального развития человечества нужно назвать тот реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства. Выразили этот взгляд те, кого я бы назвал «русскими европейцами», которые *знали себя, исходили из своих потребностей, из реальных нужд народа*. Термин этот придуман еще в XIX-ом веке, но относили его, как правило, к русским западникам. Едва ли не первым его употребил А.И. Герцен, противопоставляя «московский панславизм» и «русский европеизм». Достоевский, правда, и тех, и других считал порождением беспочвенности русского барства. Однако, поскольку своими главными противниками он считал все-таки западников, термин этот он отнес вроде бы к ним.

В романе «Подросток» нарисован потрясающий образ Версилова, русского европейца, как его понимал писатель, а именно: человека, уверенного, что он уловил суть европейской культуры, европейского духа в его целостности, в его сути, не как частную идею входящих в Европу стран (не как французскую, немецкую или британскую идею), а как идею всеевропейскую, объединяющую всю Европу. В этой претензии на всеобъемлемость, на понимание центра Европы - и величие этого русского как бы европейца, этого гражданина мира (по Диогену и Петрарке), и его слабость, некая все же условность, фантазм его европеизма, ибо *подлинный европеизм произрастает изнутри своей культуры - но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ. Такими были основатели великих европейских культур - Данте и Сервантес, Рабле и Шекспир, Гете и Пушкин*. Не сумевший преодолеть свою почву, а потому беспочвенный русский европейски образованный человек был типичен для барско-интеллигентского *большинства*, не ощутившего еще ценности своего личного бытия, - основы европейского мирочувствия. Остаются упительные идеи, которые тешат самолюбие этого типичного русского западника, «почти-европейца»: «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек;

действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. Мы - носители идеи, мой милый!» Что же это за идея? «Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри; я и без того знал, что всё пройдет, весь лик европейского старого мира - рано ли, поздно ли; но я, *как русский европеец* (курсив мой. - В.К.), не мог допустить того. [...] Как носитель высшей русской культурной мысли, я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей. И кто бы мог понять тогда такую мысль во всем мире: я скитался один. Не про себя лично я говорю - я про русскую мысль говорю. Там была брань и логика; там француз был всего только французом, а немец всего только немцем. [...] Тогда во всей Европе не было ни одного европейца! Только я один, [...] как русский, был тогда в Европе *единственным европейцем*. Я не про себя говорю - я про всю русскую мысль говорю»³.

Фраза Версилова о русском как подлинном европейце была при этом, однако, не случайна. Такие люди тоже уже появились. Просвещенное меньшинство в России чувствовало себя европейцами не только в Европе, но и у себя дома. Как писал Г.П. Федотов, «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу *русских европейцев* (курсив мой. - В.К). Их отличает прежде всего свобода и широта духа - отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее. [...] Русский европеец был дома везде»⁴. Но в этом смысле он полностью противоположен русскому западнику, обольщавшемуся мечтой о Европе, а потому и быстро впадавшему в уныние от реальных противоречий западной Европы. Тому западнику, который нигде не чувствовал себя дома, - ни на Западе, ни в России.

Поэтому, уточняя, скажем, что у *Достоевского изображен на самом деле не русский европеец, а русский западник*, разочарованный в том, что на реальном Западе он увидел в массе его обитателей не Фемистокла и Алкивиада, не Франциска Ассизского и Лойолу, не Вольтера и Шеллинга, не Шекспира и Бэкона, а обычных мелких буржуа, хитрых и корыстных католических священников, прямолинейных и туповатых протестантских пасторов, к тому же и политическое устройство оказалось несформированным, потрясаемым бунтами, а общество раздираемо жестокими социальными и классовыми противоречиями... Таким образом, романтический идеал рухнул перед суровой реальностью, а стало быть, для психологического и идейного самоспасения русскому западнику надо было

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 13. Л., 1975. С. 374-376.

⁴ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1992. С. 178.

признать себя не просто наследником высших идей Европы, а наиболее адекватным их выразителем. Но одному их осуществить нельзя. Значит, необходимо в русском народе поискать возможностей утверждения социалистических идеалов - общинности, равенства, братства. На этой идее вырастает в России революционное народничество. Здесь, по справедливому замечанию Г.В. Плеханова, произошло очевидное сращение западничества и славянофильства. А уж из радикальных народнических конструкций Ткачева и Нечаева выросла ленинский тоталитаризм.

3. Отказ от европеизма - путь за пределы истории

Европейский частный интерес казался враждебным идее братства (хотя забывали, откуда взялась на Руси эта идея, - из европейской религии, т.е. христианства), не учитывали, что именно частный интерес предполагает в конечном счете, чтоб всем жилось лучше («разумный эгоизм», гениально угаданный Н.Г. Чернышевским). И не только в частном быту, но и в общеевропейском развитии государств (что не исключало войн и пр.). Европе самой было выгодно просвещение, развитие, европеизация и, как следствие, политическая предсказуемость и стабильность северо-восточного соседа для стабильности научно-технического и гуманитарного прогресса во всей системе европейских государств. Сошлюсь на рассуждение Г.Г. Шпета: «XVII век в Западной Европе - век великих научных открытий, свободного движения философской мысли и широкого разлива всей культурной жизни. Последний не мог не докатиться и до Москвы - против ее собственной воли. *Блестящее одиночество в Европе восточного варварства начинало быть препятствием для развития самой Европы. Со второй половины века западное влияние пробивается в Москву все глубже с каждым десятилетием, если не с каждым годом. В ночной московской тьме стали зажигаться грезы о свете и знании* (курсив мой. - В.К.). Одних, как Котошихина, эти грезы выгоняли из Москвы на Запад, другие, подобно Ртищеву, пытались как-то воплотить эти грезы на месте, но, признанные «злотворцами», они жестоко платились за «рушение» веры православной. Уделом культурных усилий и тех и других одинаково было ничтожество. Народ русский охранял свое невежество за непроницаемой броней и умел заставить молчать мечтателей»⁵. В результате все же многое было усвоено. Однако невежественное отрицание бывших своих учителей, что Пушкину казалось проявлением дикости, привело к своего рода национальному самодовольству. Найдя, что учитель несовершенен, почему-то автоматически желаемым совершенством награждали себя. Как иронизировал над славянофильско-западническим самохвальством Чернышевский: «Будем желать то-

го, чтобы пришлось нам когда-нибудь трудиться вместе с другими, наравне с другими над приобретением новых благ: не будем, ничего еще не сделавши, самохвально кричать: эх вы, дрянь и гниль! - а вот мы так будем молодцы!»⁶.

Западную Европу как то, что неминуемо будет превзойдено Россией, отрицали практически все направления (от левых радикалов до радикалов-консерваторов, вроде Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева). При этом, в реальной жизни для себя, предпочитали европейский стиль и тип существования. Тютчев, писавший об «особенной стати» России, восхищавшийся родным краем «долготерпенья», половину жизни прожил в Западной Европе. И не случайно ему принадлежит характерная фраза: «У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине»⁷. Стоит добавить, что он же называл Россию «краем безлюдным, безымянным», «незамеченной землею» («Русской женщине»), страной, где «человек лишь снится сам себе» («На возвратном пути»). Проговорки символические и многозначительные!

Забывали только, что вычеркивая Россию из современного ей европейского процесса, по сути дела вычеркивали ее из истории, которая есть порождение европейской цивилизации. А в результате, надо было или гордиться этим обстоятельством, или страдать от одного. В советское время гордились. Сегодня, желающие вернуться в историческое бытие, уже не верят, что это возможно совершить вместе с Россией: художники стараются свои картины продавать на Запад, интеллектуалы - самые знаменитые и не очень - уезжают преподавать свои идеи в Западную Европу или США, спортсмены ищут там должной оценки своих талантов, не говоря уж о технической интеллигенции, которая понимает, что должная оценка ее труда возможна только по западноевропейским расценкам. Позиция, что мы не Европа, как показал опыт, чревата стагнацией культуры, развитием комплексов национализма и фашизма и т.п. Почему? Потому что мы во всем равняемся с Европой, в отличие от Китая, Персии, Индии и т.д. Те самодостаточны, мы же чувствуем свою генетическую связь с европейской культурой. Даже в ситуации столетней давности - присвоении социалистических идей - мы соревновались не с Азией, а с Европой, меряясь значительностью и глубиной с западными движениями.

Не случайно в романе Достоевского постоянно подчеркивается, что дело не в Версилове-персонаже, а в принципиальной установке русской мысли - стать центром и выразителем самого духа Европы, ее квинтэссенции. Таков смысл идеологемы XV века «Москва - третий Рим», утверждавшей, что именно Московия является истинной хранительницей истинного христианства, т.е. сути европеизма. Об этом же писал и знаменитый славянофил Хомяков, любивший запад-

⁵ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 25-26.

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. Т. VII. М., 1950. С. 617.

⁷ Тютчевiana: Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 21.

ную Европу как прекрасное прошлое Европы, но будущее Европы видевший в России: «Мы - центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия»⁸. За этой установкой отказ от христианского равноправия культур и языческое неверие в исторический процесс, непонимание сложности европейского пути, катастрофизм сознания. При малейшем неисполнении наших преувеличенных, фанатичных верований, опускаем руки и разуверяемся. А тогда начинаем мечтать о том, что сами станем «страной святых чудес» («Святой Русью»), исполним то, что у Запада не получилось. Но когда, прокляв Запад и отказавшись от западного принципа личности, пытаемся присвоить хоть одну из европейских идей, она тут же теряет всю свою европейскую сущность. Таков феномен ленинско-сталинского марксизма, втянувшего Россию в конфронтацию с Западом. Об этом почти сразу после Октября писали русские эмигранты: «Ленин, сочетав Маркса с Бакуниным, в лице большевизма создал *особый вид анти-европейского марксизма* (курсив мой. - В.К.): противопоставление правды «пролетарской» России злу и разложению «буржуазной» Европы есть возрождение [...] старого националистического отталкивания от Запада»⁹.

4. Европеизм как преодоление националистического почвенничества

Меж тем подлинный Европеизм рождается из преодоления националистической закрытости каждой данной культуры. Первый шаг к этому был сделан в маленькой провинции Римской империи, родившей христианство, для которой не было ни эллина, ни иудея. И далее христианство стало основой расширявшейся европейской ойкумены, границы которой дошли вначале до Рейна, а потом и до Урала. Один из персонажей знаменитых «Трех разговоров» В.С. Соловьева (Полиптик) рассуждает следующим образом: «Что такое *русские* - в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну, а к какому же существительному это прилагательное относится? [...] Настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы - *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. [...] Сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на западе, потом и на востоке, явились русские европейцы, там за океаном - европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индийские, японские, даже, может быть, китайские. Европеец это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся

⁸ Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме // Хомяков А.С. Соч. В 2-х т. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994. С.450.

⁹ Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 278.

объемом»¹⁰. Соловьев далее показывает, что оптимистическая вера Политика в прогресс проблематична, что прежде случится мировая катастрофа, пришествие антихриста, но в апокалиптическую эпоху противостояния антихристу сольются, наконец, три конфессии - католицизм, протестантизм и православие - в единое и могучее христианство. По Соловьеву, быть русским европейцем, не приняв всей глубины христианской религии, невозможно. Чтоб Европа стала неким целым, а Россия законной частью Европы, необходимо единение ее ныне разорванной идеологической основы - христианства.

И в этом глубоком историческом понимании развития европейской идеи он, конечно, был прав. Ибо даже в лучших наших исследованиях русский европеизм оценивают не исторически, а географически, как духовное порождение страны, расположенной между Западом и Востоком, Европой и Азией, соединившей в себе небольшую европейски цивилизованную часть и бескрайнюю дику Сибирь. Между тем, если говорить о генезисе российского государства (о Новгородско-Киевской Руси), то это было европейское по типу образование соединенных княжескими родами городов-полугосударств. Затем эта европейская структура (Древняя Русь) перенесла, после трех веков христианского развития, удар типологически сходный с ударом, разрушившим Римскую империю и античный мир в IV-V вв. О сходстве варварского нашествия на Рим и татаро-монгольское нашествия писал еще Карамзин. И это был не разрыв между Европой и Азией, а поглощение части Европы степной Азией. Присоединение же бескрайних сибирских пространств случилось много позже, после освобождения от ига, когда Московская Русь пыталась возобновить контакты с Западной Европой, отстаивая свое место среди европейских государств. Разумеется, цивилизация и освоение огромных пространств Сибири замедляла этот возврат. Именно Сибирь придала русскому самодержавию облик двуликого Януса, на одном лице которого, по наблюдению де Кюстина, было написано «европейская цивилизация», зато на другом - «слова «гнет», «ссылка», «подавление» или заменяющее их слово «Сибирь»¹¹. Но это не исключало того обстоятельства, что в Сибири Россия выступала как европеизирующая сила.

Это была на самом деле та реальность, которую должны были принять как свое наследство русские, желавшие быть европейцами - не уехав из России, а вместе с ней. Этот подход требовал не сарказма, не романтической иронии, не отрицания и тем более не романтического восторга («Умом Россию не понять»), а просветления исходной темноты человеческого бытия любой культуры. Романтику легко было любить Русь то благословленную «в рабском виде Царем Небесным» (Тютчев), то в облике «социального революционера-разбойника» - Пу-

¹⁰ Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собр. соч. Второе издание. В 10 - ти т. Т. 10. СПб., б.г. С. 149-150. Курсив В.С. Соловьева.

¹¹ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. В 2-х т. Т. 2. М., 1996. С. 14.

гачева-Разина (Бакунин, Герцен, Лавров), то в образе мужика Марeya, утешающего дворянского дитя (Достоевский), тем самым оставаясь в привычной сфере идеализации, но действительному русскому европейцу надо было видеть окружающее реально и думать без иллюзий.

5. Русские европейцы: их место в русской культуре

Начиная с реформ Петра Великого, такие люди появляются. Это и «птенцы гнезда Петрова», и «екатерининские орлы», и, наконец, самый главный результат петровского преобразования - Пушкин. Сошлюсь еще раз на многосложного и многосмысленного Достоевского: «Не было бы Пушкина, не определилось бы, может быть, с такою неколебимою силой [...] наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение *в семье европейских народов*»¹² (курсив мой. - В.К.). Русские европейцы - это те, кто видели, что и Европе пришлось пережить чудовищные катастрофы: и бунты (Уота Тайлера, Жакерию, Томаса Мюнцера), и войны (столетнюю, тридцатилетнюю и т.п.), и чумные эпидемии, и злодеяния сильных мира сего, и нищету народа, и закономерные ужасы революций, и продажность многих иерархов католической церкви, и жестокое, подчас кровавое противоборство реформаторских течений, что и поныне Европа раздираема социальными противоречиями, что она не претендует на окончательное решение вопросов, но, однако, важнейшая, пусть даже единственная ее заслуга, что она каждый раз пытается их решать, не закрывая на них глаза.

Скажем, наши националисты саркастически восклицали, что Запад-де ищет общинности, пытается противостоять индивидуализму, а у нас зато община - основа жизни. На это русский европеец К.Д. Кавелин отвечал: «Нам не следует, как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. [...] Для этого нам надо прежде всего критически взглянуть на результаты европейской мысли, доискаться до ее предпосылок, всюду подразумеваемых, но нигде не выраженных. В них скрыта живая связь теоретических задач и практических потребностей. [...] Вынуждены будем, по примеру европейцев, вдуматься в источники зла, которое нас гложет. Тогда нетрудно будет указать и на средства, как его устранить или ослабить. Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука; с тем вместе выводы знания перестанут у нас быть такими безрезультатными, как теперь, а свяжутся, как в Европе, с решением важнейших наших вопросов. Очень вероятно, что выводы

эти будут иные, чем те, до каких додумалась Европа; но, несмотря на то, знание, наука будут у нас тогда несравненно более европейскими, чем теперь, когда мы без критики принимаем результаты исследований, сделанных в Европе. Предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и у нас совсем иные. Там до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки; наше больное место - пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самостоятельности»¹³(курсив мой. - В.К.).

И потихоньку такая личность в России укреплялась. Ее надо четко отличать от русских скитальцев-псевдоевропейцев, описанных Достоевским, и его реальных прототипов - Бакунина, Герцена и других, сначала ужасавшихся российской жизни, считавших, что хуже жизни не бывает, особенно на фоне сакрального европейского пространства, а затем разочаровавшихся в способности Европы жить по идеалу, каковую они полагали безусловной для жизни в сакральном чудо-месте. Кроме скитальца и лишнего человека, пишет Федотов, «мы знаем и другой тип русского европейца - того, который не потерял связи с родиной, а иногда и веры отцов. Именно эти люди строили Империю, воевали и законодательствовали, насаждали просвещение. Это подлинные “птенцы гнезда Петрова”, хотя справедливость требует признать, что родились они на свет еще до Петра. Их генеалогия начинается с боярина Матвеева, Ордина-Нащокина - быть может, даже с Курбского. [...] В управлении и суде, во всех либеральных профессиях, в земстве и, конечно, прежде всего в Университете, европейцы выносили главным образом всю тяжесть мучительной в России культурной работы. Почти все они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела. Отсюда их непопулярность в стране, живущей в течение поколений испарениями гражданской войны. Но в каждом городе, в каждом уезде остались следы этих культурных подвижников - где школа или научное общество, где культурное хозяйство или просто память о бескорыстном враче, о гуманном судье, о благородном человеке. Это они не давали России застыть и замерзнуть, когда сверху старались превратить ее в холодильник, а снизу в костер. Если москвич держал на своем хребте Россию, то *русский европеец ее строил*»¹⁴ (курсив мой. - В.К.). Романтическому идеализму была противопоставлена идея возврата в реальную Европу: от преобразований Петра I до «теории малых дел», возникшей на рубеже веков. Хочется привести в связи с последним явлением размышление современного философа: «То, что на Западе родилось под именем «этики

¹² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 26. Л., 1984. С. 145.

¹³ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 317.

¹⁴ Федотов Г.П. Письма о русской культуре. С. 179.

призвания», выношенной в лоне пуританской «мирской аскезы», у нас в России получило название «философии малых дел».

[...] Земская «философия малых дел» - это стратегия автономной, компетентной, аскетически упорной работы»¹⁵. В этой тенденции очевидна патриотическая опора на собственные силы, но не с тем, чтобы противопоставить Европе некий «третий путь» (ведущий к «Третьему Риму», «Третьему Рейху», *третьему миру*, т.е. за пределы истории), а чтобы кропотливым трудом проложить *свой путь* в Европу.

Русские европейцы понимали, что Европа - «вещь реальная», живущая не чудесным образом, а трудом, неустанными усилиями, что, только преодолевая свои недостатки и слабости, борясь сама с собой, она чего-то достигает. Любя Европу, они отнюдь ее *не сакрализировали*, как, впрочем, и свое отечество, а потому, не умиляясь рабской безропотности и долготерпению русского народа, верили, что и Россия способна включиться в этот процесс самопреодоления и самосовершенствования. И таких людей было немало.

Иногда пишут, что русские европейцы - это прежде всего люди элиты. Противопоставлю этому утверждение, в котором, несмотря на некий парадокс, содержится понимание рубежа веков как эпохи очевидной и принципиальной европеизации значительной части населения. Этот период называют часто временем уныния и тоски, временем общественного застоя и упадка, описанного Чеховым. Но вот, по словам Б. Парамонова, в «эпохе Чехова» можно «увидеть ее позитивное содержание. Мы бы определили это содержание как *вестернизацию демократических слоев русского общества*. Русский дворянин - а за ним и деклассированный интеллигент - был западником или славянофилом. Русским *европейцем* (не западником!) суждено было стать низовому человеку, далекому от движений столичной квазиевропейской жизни. Подлинная европеизация России происходит там, где ее и по сию пору не заметили историки: в глубине русской жизни, в провинции. Чехов - одновременно - и символ, и реальное достижение этого процесса»¹⁶. Увы, этот процесс был абортирован, хотя он отнюдь не был случайным, а продолжал движение, начатое - вопреки Б. Парамонову - русским дворянством и просвещенным меньшинством предшествующих десятилетий и даже столетий.

6. Надо ли русским европейцам бежать из России?

¹⁵ Соловьев Э.Ю. Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 139.

¹⁶ Парамонов Б. Провозвестник Чехов // Парамонов Б. Конец стиля. М., 1999. С. 259-260.

В последние годы у нас стали твердить о «не-европейской карме» России. Мол, чего не дано этой стране, того уж не дано... Мол, место Европы уже занято самой Европой (А. Зиновьев). Но почему-то не думают о «не-европейской карме» *западной Европы*, которая все никак не может стать Европой, отвечающей в полной мере декларированным ею ценностям. Почему не думают об этом? Повторю еще раз В.С Соловьева: «Европеец это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом». Путь к подлинной европеизации проходят все народы Европы и везде он сложен, ибо идеально развивающихся общественных структур и состояний не бывает. Когда после Октябрьской катастрофы 1917 года из России были изгнаны способные к самостоятельности духа поэты и мыслители, они, пережившие распад собственной страны и мечтавшие о западной Европе, отнеслись тем не менее к ее возможностям достаточно трезво. И первое, что их насторожило, - несоответствие их представления о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: - изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно любили ее только как прекрасный пейзаж в своем «Петровом окне»; ушел родной подоконник из под локтей - ушло очарование пейзажа»¹⁷. Западная Европа оказалась в столь же проблемной ситуации, как и Россия. В России торжествовал большевизм, эта дьявольская смесь славянофильства и западничества, в западной Европе наступал на демократию фашизм. В 1931 г. Федотов писал: «Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы - прежде всего свободы духа»¹⁸.

Именно эта позиция - отстаивания базовых европейско-христианских ценностей в любой стране, которая так или иначе связана генетически с христианством, рождала стоический характер русских европейцев, помогая им не потерять себя в хаосе и разброде XX столетия. Более того, эта позиция позволила им сохранить понимание России как европейской страны, просто волею обстоятельств, стечением событий оказавшейся временно по ту сторону Европы, как и многие западноевропейские страны (Германия, Италия).

Бегущим из России сегодня можно сказать, что одичавшая, раздираемая на части националистическими и региональными амбициями отчизна достигнет своих блудных сынов распадом АЭС или ядерным ударом в любой точке земного шара, что единственная альтернатива такому решению нашей страной мировых вопросов, решению, ведущему к мировому катаклизму, - идеология русского ев-

¹⁷ Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф.А. Сочинения. М. 2000. С. 219.

¹⁸ Федотов Г.П. Новый Град // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris. YMKA-PRESS. 1973. С. 139.

ропеизма. Та идеология, что позволяет *критически* смотреть и на Россию, и на Запад, ибо обе эти части Европы - родные для русского европейца, а потому он имеет право желать их улучшения. Но это критика, не похожая на ту, с какой «русские патриоты» подходят к Западу, а западные шовинисты к России, - чтобы унижить противника. Это - внутренняя самокритика европейской культуры, способствующая тому, чтобы *во всем европейском мире* можно было существовать *нормально*. Тогда и сбудется желание одного русского поэта - *жить в Европе, не выезжая из России*.

Я полагаю, что реализм, отказ от идеализации как Запада, так и Востока Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути - необходимая предпосылка для формирования чувства личного достоинства, столь значимого для самоощущения русского европейца, являющегося не просто потребителем западных технических усовершенствований (такова позиция варвара), а со-творцом, со-производителем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне личностной европейско-христианской культуры. Быть может, стоит привести еще одно высказывание - современного европейского историка Реми Брага: «Я бы сказал европейцам: „Вы не существуете! Европейцев нет в природе. Европа - это культура. А культура есть работа над собой, возделывание самого себя, усилия по ассимиляции того, что превосходит индивида. Следовательно, Европу невозможно унаследовать, каждый должен ее сам завоевывать. Нельзя родиться европейцем, можно трудиться, чтобы им стать...» Обращаясь теперь к не-европейцам я могу сказать: „Вы тоже не существуете!“ Нет в природе не-европейцев. Весь мир, к счастью или к несчастью для него, изъезжен европейцами, он задет европейским (в нейтральном смысле слова), теми феноменами, которые пришли из Европы. Перед лицом этих явлений весь остальной мир, если можно так сказать, следует тому же образцу, что и „уже“ европейский мир (или себя таковым считающий)... Если европейскость является культурой, то все находятся на одном и том же расстоянии от того, что следует обрести, - географически, экономически и т.д. Европа не должна представлять себя в качестве образца, напротив, она должна ставить перед собой, как и перед всем миром, задачу европеизации»¹⁹. Так что, становление русского европейца - процесс исторически непростой, как непростым был процесс становления любого (французского, английского, испанского и т.п.) западного европейца.

¹⁹ Благ Реми. Европа. Римский путь. Долгопрудный. 1995. С. 121-122.